

МИР
ГЛАЗАМИ
УБИЙЦЫ

«А ВАМ НИКОГДА НЕ ХОТЕЛОСЬ ПЕРЕСТАТЬ ЧУВСТВОВАТЬ? НАВСЕГДА ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ЯРОСТИ, ГНЕВА И ПЕЧАЛИ? БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПЛАКАТЬ, НИКОГДА НИ К КОМУ НЕ ПРИВЯЗЫВАТЬСЯ? ПОЛАГАЮ, ЧТО В ТОТ ИЛИ ИНОЙ МОМЕНТ ЖИЗНИ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ОТДАЛ БЫ ВСЕ ЗА ЭТОТ НАБОР СУПЕРСПОСОБНОСТЕЙ. НАВЕРНОЕ, ПОЭТОМУ ТАК РАСПРОСТРАНИЛСЯ МИФ О ТОМ, ЧТО ПСИХОПАТЫ — ЭТО ЛЮДИ БЕЗ СТРАХА, БОЛИ И СОВЕСТИ».

ЕЛИЗАВЕТА БУТА,
психолог, писатель

«КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК — ПРЕСТУПНИК. НЕОПАСНЫЙ, КОНЕЧНО. СМОТРИШЬ НА ИНОГО, НУ ДО ЧЕГО ХОРОШИЙ, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, А НА ДЕЛЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО МАТЬ ТОПОРОМ ЗАРУБИЛ, А ТРУП ВО ДВОРЕ СПРЯТАЛ... ОДНО НЕРАСКРЫТОЕ ДЕЛО БУДЕТ В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ЗНАЧИТЬ ДЕСЯТОК НОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ...»

М.К. ЖАВНЕРОВИЧ,
старший следователь

«МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ СТИЛЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ В КНИГЕ ЕЛИЗАВЕТЫ БУТА. ИНТЕРЕСНО БЫЛО СМОТРЕТЬ НА ПРОИСХОДЯЩЕЕ СО СТОРОНЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ, НЕВИННО ОСУЖДЕННЫХ И САМОГО МИХАСЕВИЧА. ТАКОЙ ФОРМАТ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАДУМАТЬСЯ О ТОМ, КАК МНОГОЛИКО И КАК БАНАЛЬНО БЫВАЕТ ЗЛО. ЧИТАЯ, НАЧИНАЕШЬ ЗАДАВАТЬСЯ ВОПРОСОМ: БЫЛ ЛИ МИХАСЕВИЧ ЕДИНСТВЕННЫМ АНТАГОНИСТОМ В ЭТОЙ ИСТОРИИ?»

ДАРЬЯ КРУПЕНЬКИНА,
автор тру-крайм подкаста «Ни разу не дворецкий»

ЕЛИЗАВЕТА БУТА

ДУШЕГУБ

ИСТОРИЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

МИХАСЕВИЧА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б93

Разработка серии и дизайна переплета
Сергея Власова

Бута, Елизавета.

Б93 Душегуб. История серийного убийцы Михасевича / Елизавета Бута. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Мир глазами убийцы).

ISBN 978-5-04-160818-7

История самого опасного серийного убийцы СССР, написанная криминальным психологом. Геннадий Михасевич по праву считается одним из самых страшных серийных убийц в мире. Его жертв не объединяли ни возраст, ни телосложение, ни одежда. Иногда он душил руками, но иногда использовал для этого веревку или платок. Никто не мог себе представить, что это дело рук одного человека, невозможно было составить профайл преступника.

Итогом жизни убийцы стали 36 женщин и 14 невинно осужденных мужчин.

Что сделало его таким? Что он чувствовал в момент убийства? Как развивалось его расстройство, и почему его сознание начало меркнуть? Почему следствие допустило так много ошибок?

Читайте об этом в новом документальном триллере, основанном на материалах допросов и интервью с убийцей.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160818-7

© Елизавета Бута, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
1. В молчании	16
2. Лишний человек	34
3. Безупречная репутация	45
4. Призраки одиночества	66
5. Возвращение	74
6. Удушье	91
7. Лучеса	119
8. Ошибки	127
9. Приговор	158
10. «Это ничего, это правильно...»	190
11. Дело принципа	218
12. Убийца всегда рядом	235
13. Нужно с ним поговорить...	256
14. За измену – смерть	268
15. Тень чужих ошибок	284
16. «Когда меня услышат...»	300
Послесловие	306
Избранные источники	317

*Ищите место, где вас слушают и слышат,
ищите место, где вы нужны,
иначе рискуете закончить жизнь
в камере смертников¹.*

ПРОЛОГ

1985 г.

Минск

— Поедешь работать в какое-нибудь гиблое место, пусть там тебя слушают, — прокурор резко захлопнул папку с очередной жалобой на следователя по особо важным делам Николая Игнатовича.

Такие жалобы прокурору приходилось читать каждый день, и фамилия Игнатовича в них звучала слишком часто. Когда-то подающий большие надежды следователь так и не нашел способа взаимодействовать с системой. Как так вышло, что ответственный, въедливый и принципиальный Игнатович превратился в источник вечной головной боли Прокуратуры БССР? Пожалуй, даже сам следователь не смог бы ответить на этот вопрос. То и дело кто-то сверху предлагал повесить его по службе, но Игнатович, кажется, специально делал все воз-

¹ Фразу приписывают самым разным убийцам, но доподлинное авторство неизвестно.

можно, чтобы не получить новую должность. После того как он перешел на службу в Генеральную Прокуратуру, его регулярно посылали в различные командировки, из которых он приезжал, обычно нажив себе пару или тройку новых врагов.

— Потому что все должно быть по закону, — терпеливо и спокойно говорил он в ответ на любую претензию.

Начальство решило винить в плохом характере следователя сомнительное начало его карьеры на должности адвоката. Проработав несколько лет участковым и оперативником, он поступил на юрфак БГУ. Любопытно, кстати, что поступил он туда на общих основаниях, так как ему не удалось добиться от начальства направления, которое бы существенно могло облегчить процесс поступления.

После получения диплома, естественно с отличием, его отправили работать на несуществующую должность в несуществующее место. Три года по распределению он проработал адвокатом в поселке Бешенковичи. Все это время он помогал жителям деревни писать жалобы в облисполком на соседей, составлять заявления о разводе и, в редких случаях, консультировал несчастных матерей, когда их дети попадались на воровстве деталей с завода или яблок из совхоза. Как он ни старался, помочь таким матерям он не мог, и ему оставалось

только растерянно наблюдать за тем, как плачут эти женщины, ерзая на неудобном казенном стуле в сельской юридической консультации. Николай не знал, как себя вести в таких случаях. Утешать он не умел, он умел помогать, составлять прошения о пересмотре дела, о помиловании, об отправке дела на следствие, но все это почти в ста процентах случаев не давало никакого эффекта. В лучшем случае удавалось скостить пару лет. А женщины продолжали приходить и плакать, потому что, несмотря на тяжелый взгляд из-под бровей, каменное выражение лица и топорный казенный язык, женщины видели, что ему не все равно. И похоже, Игнатович был единственным человеком в их жизни, которому было не все равно.

Каким образом ему удалось добиться ссылки в Бешенковичи да еще на должность адвоката, никто так и не сказал, но, зная его характер, предположить было несложно. В очередной раз сказал, что «тут все одни идиоты», в какой-нибудь особенно изощренной форме.

Игнатович, кажется, даже не понимал, что, устраивая все эти дополнительные проверки, экстренные совещания и экспертизы, он просто в более деликатной, а следовательно, и в более обидной форме говорит всегда одно и то же: «Все вы тут одни идиоты, только я один умный и знаю, как должно быть по закону».

Возможно, следователь и не имел этого в виду, когда устраивал очередную проверку, но все воспринимали это именно так. Прогнорировать грамотно составленную бумагу было нельзя, но вот устроить массу проблем человеку, который ее составил, было вполне под силу любому, даже самому незаметному и незначительному начальнику.

Раз за разом, независимо от результатов проверок, он оказывался в очередной ссылке в медвежьем углу на пару лет, пока вдруг кто-то не замечал его въедливую настойчивость и педантичность и не начинал проталкивать вверх по карьерной лестнице.

За несколько лет службы в прокуратуре он проработал, кажется, во всех подразделениях, пока не был направлен в отдел по особо тяжким преступлениям, самый почетный и уважаемый отдел, по мнению самого отдела. Теперь Игнатович занимался тем, что ему действительно было интересно: громкими и резонансными делами, которые можно было отправлять на доследование, а иногда даже удавалось добиться пересмотра приговора.

Карьера честного следователя шла в гору целых пять лет подряд, вплоть до 1981 года. В какой-то момент его даже направили в группу, расследовавшую гибель в автокатастрофе Первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова.

10 Вполне понятное дело, в котором не было

какого-то двойного дна. Проблема заключалась в том, что погиб крупный чиновник, а участниками аварии стали машина ГАИ и грузовик «МАЗ». Никому не хотелось, чтобы виновными признали сотрудников ГАИ, но замять гибель такого видного человека было невозможно. Дотошный и внимательный Игнатович по секундам восстановил аварию и благополучно закрыл дело, моментально превратившись в «одного из лучших следователей страны». Любой человек, желающий построить карьеру, решил бы отойти от «работы в поле» и начал бы зарабатывать звездочки на погонах. Теперь уже все ждали от Игнатовича именно этого, слишком высоко ему удалось запрыгнуть в этот успешный период карьеры, но проблема Игнатовича заключалась в том, что «все должно быть по закону». Ему было неинтересно заниматься собственной карьерой, намного интереснее было расследовать дела и защищать невиновных от неумолимой машины правосудия. Сомнительный старт карьеры давал о себе знать.

Осенью 1985 года Игнатовичу должно было исполниться сорок пять лет, его карьера близилась к концу, а количество людей, которые были заинтересованы в ее досрочном завершении, с каждым днем только возрастало.

— Что за гиблое место? — поинтересовался Игнатович у прокурора, глядя своим тяжелым

взглядом из-под бровей, благодаря которому следователя побаивались не только осужденные, но и коллеги.

— Под Витебском пропадают девушки, несколько случаев за полгода, — пояснил начальник Игнатовича. — Дело вел твой давний знакомый, — главный прокурор республики замолк в ожидании реакции следователя.

Игнатович вопросительно посмотрел на начальника, а потом молча кивнул.

— Разрешите идти?

Всем было понятно, что для Игнатовича это шанс отомстить старому лису, доказать свою правоту и защитить невиновных. Свою карьеру ему уже все равно было не спасти. Да и плевать он на нее хотел. Никаких особенно больших денег повышение в должности ему не сулило. С женой он развелся несколько лет назад. Детей не было. Единственное, что для него сейчас представляло ценность, так это возможность раскрыть дело, доказать себе, что за несколько лет на задворках жизни он еще не разучился работать.

На следующий день следователь Николай Игнатович прибыл в Витебск. Низкие, припорошенные снегом домики утопали в вечном зимнем сумраке, который обычно опутывает город где-то в ноябре и ослабляет хватку только к апрелю. Этот город Игнатович любил еще с первых дней своей работы в должности

адвоката. Деревня Бешенковичи располагалась всего в пятидесяти километрах от Витебска, поэтому именно сюда приходилось ездить отчитываться перед начальством, подавать заявления о пересмотре дел и жалобы от местных жителей. Город не так сильно пострадал от войны, тут еще сохранились старинные и ветхие домики. В них располагались коммунальные квартиры, поэтому местные жители терпеть не могли эти дома из-за отсутствия мусоропровода, лифта и перебоев с горячей водой, но вот вид города эти небольшие особняки украшали, превращая Витебск в совершенно особенное место.

Облисполком Витебска располагался в большом старинном здании в центре города. Следователь бывал здесь очень много раз еще в бытность работы адвокатом, да и потом не раз приезжал сюда по самым разным делам, поэтому прекрасно знал, где тут и что расположено. Даже уборщицу, которая ему встретилась на пути к начальнику УВД области, он узнал. Единственное, что здесь более или менее часто менялось, так это таблички с именами на кабинетах. Имя нынешнего начальника УВД Игна-

— Под Витебском пропадают девушки, несколько случаев за полгода, — пояснил начальник Игнатовича. — Дело вел твой давний знакомый, — главный прокурор республики замолк в ожидании реакции следователя.

товичу было хорошо знакомо, им оказался Мечислав Гриб, который несколько лет был начальником Управления охраны общественного порядка МВД БССР. Судя по слухам, сюда его сослали как раз из-за дела о пропадающих девушках.

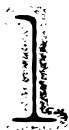
— Следователь по особо важным делам Игнатович прибыл для организации помощи в деле о пропавших без вести женщинах в окрестностях Витебска, — с порога начал рапортовать он.

Мечислав Гриб принял Игнатовича хорошо. Обычно, когда приезжаешь куда-то «для помощи в расследовании», тебя воспринимают в штыки, но Гриб сам был новым человеком, он знал о деле не больше Игнатовича и ничью честь мундира не защищал, по крайней мере пока.

— Мне важно разобраться с этим делом, Николай, — сказал Мечислав Гриб, когда Игнатович уже собирался уходить. — Если вам понадобятся какие-то ресурсы, обращайтесь.

Следователь кивнул. В его ведении теперь была большая оперативно-разыскная группа, которую можно было занять работой по делу. Это грозило месяцами кропотливой работы с архивом, возобновлением давно закрытых дел, по которым уже были вынесены приговоры, но Мечислав Гриб ясно дал понять, что не боится гнева начальства. Ему важно было

раскрыть это дело, и единственным человеком, который не сгибался в поклоне при упоминании фамилии «советского Мегрэ» Жавнеровича, был этот мрачный следователь с сомнительной репутацией. Впервые в жизни Николая Игнатовича слышали и слушали, и сейчас он чувствовал, что в его власти сделать действительно что-то важное. Впервые на него обратили внимание.

В МОЛЧДАНИИ

1947–1958 гг.

Деревня Ист. Витебская область

Геннадий Михасевич родился 7 апреля 1947 года в обычной семье сотрудников совхоза деревни Ист Миорского района. Они были среднестатистической семьей, которая жила не лучше и не хуже остальных. По крайней мере, так все считали. Отец и мать Геннадия трудились в совхозе, а это значило, что на работу им приходилось вставать еще до рассвета, а заканчивался их рабочий день уже к обеду. Вечером отец уходил куда-то, чтобы вернуться в изрядном подпитии, а мать, тихая и безответная женщина, в это время занималась детьми.

Гена был младшим из пятерых детей и с юных лет усвоил, что чем меньше он выделяется, тем лучше для него. Братья и сестры никогда не замечали младшего и не брали в свои игры. Разница в возрасте не позволяла, да и неинтересно было. Мать всегда добросо-

вестно исполняла все свои обязанности, но казалось, что к пятому ребенку ей стало безразлично воспитание детей. С этим намного лучше справлялись государственные организации. Отца же в семье все боялись, так как перепады его настроения сложно было спрогнозировать. Когда мужчина был пьян, все в доме прятались по углам. Детей он бил, только если они попадались под горячую руку, а вот мать семейства получала каждый раз. Казалось, мужчина винит ее во всех проблемах в жизни.

Модест Михасевич не служил во времена войны, так как не подошел ни по возрасту, ни по здоровью. В целом же семье Михасевичей повезло так, как не повезло большинству семей в БССР. Все они выжили во времена войны, оккупации, голода, сожжения изб с евреями и других ужасов войны. Они благополучно пережили голодные послевоенные годы, а в 1947 году у них даже появилось прибавление в семействе. Казалось, жизнь сложилась и... закончилась.

В годы войны все поголовно курили табак и выпивали «фронтовые сто грамм», независимо от того, на фронте они или нет. Этот минимум помогал справиться с перманентным страхом за свою жизнь. Модест Михасевич так и не смог избавиться от этих привычек. Водка стала спасать его не только от бомбардировок и голода, она стала помогать ему справляться с семей-

ными проблемами, неудачами на работе да и просто с жизнью. Старшие братья и сестры Гены еще помнили отца, который мог выйти с ними во двор и поиграть, дать пару советов и даже разрешить поводить трактор (такое, правда, случалось нечасто). Гена запомнил уже другого отца.

Старший Михасевич превращался в настоящего зверя, стоило ему выпить хотя бы стопку водки. Его глаза наливались кровью, он буквально искал человека, на которого можно будет излить всю ненависть к миру. И, надо признать, он всегда находил. Часто он изливал свой гнев на собутыльников, из-за чего его пару раз даже пытались уволить, но в послевоенные годы мужчины были на вес золота, а уж человек, разбирающийся в технике, ценился втрое. Чаще, впрочем, он приходил домой и изливал свой гнев на жену. Достаточно было укоризненного взгляда, неловкого жеста или случайной фразы, чтобы мужчина начал орать на нее и раздавать затрещины. Наутро женщине приходилось искать способ скрыть синяки и ссадины с помощью косынки или кофты с длинными рукавами. Дети обычно старались убежать из дома в такие моменты, но несколько раз Гена не успевал выбежать во двор до прихода отца и прятался под столом или на печи. Пьяный Модест не смотрел по сторонам, его интересовала жена. Завидев ее,

он резко хватал ее за шею, говорил что-то, а затем насиловал.

Эти сцены, увиденные в возрасте лет двух-трех, навсегда остались в его памяти. Они что-то переменили в нем. Мальчик был привязан к матери, испытывал острое желание защитить ее каждый раз, когда на нее напал отец, но вместе с тем стал испытывать к ней некоторую брезгливость. Она стала ассоциироваться с чем-то грязным и недостойным. Этому чувству способствовал

и отец, который весьма специфически относился к женщинам.

— ...Они, как животные, ищут себе самца получше, а потом сравнивают. Их нужно держать в узде, как скотину... — любил говорить Модест, будучи в относительно трезвом и добром расположении духа. Мужчина считал, что так делится мудростью с сыновьями.

Время шло, и дети Михасевичей росли. Все они ходили в ближайшую к дому сельскую школу, в которую определили и Гену. Тихий, незаметный мальчик превратился в такого же тихого и незаметного ученика, сидящего за самой последней партой возле окна. Он

Эти сцены, увиденные в возрасте лет двух-трех, навсегда остались в его памяти. Они что-то переменили в нем. Мальчик был привязан к матери, испытывал острое желание защитить ее каждый раз, когда на нее напал отец, но вместе с тем стал испытывать к ней некоторую брезгливость.

неплохо справлялся в классе, но практически никогда не делал домашних заданий, а возле школьной доски впадал в настоящий ступор, который только подогревался издевками учителей. Никто не мог предположить, что в тот самый момент, когда он выходит к доске и все тридцать любопытных пар глаз устремляются прямо на него, что-то замыкается в глотке и он попросту утрачивает возможность говорить. Учителя только подтрунивали над Михасевичем, желая его как-то растормошить, но вместо этого он только еще больше замыкался в себе, еще сильнее ненавидел окружающих. Сложно обвинить в этом сельских учителей, которые искренне полагали, что молчать у доски ребенок может только по одной причине: потому что не выучил урок. Конечно, бывает, что человек боится выступать перед публикой, со всеми бывает, но так то ж перед публикой, а в классе-то все свои. Никто ведь во время застолья не боится говорить тосты, а класс — та же семья.

Постепенно за Геннадием закрепились слава самого плохого ученика. Девочки обычно вплоть до старшей школы очень много времени уделяют школьным занятиям, в отличие от мальчиков, которые лишь к концу обучения начинают проявлять интерес к предметам. Классный руководитель часто подтрунивала над глупостью Михасевича, а девочки с удо-

вольствием переняли эту привычку и стали смеяться над глупым и неопрятным Геннадием. Дома пил отец, а у матери не было ни сил, ни возможностей, чтобы следить за тем, в каком виде дети ходят в школу. Да и зачем следить, если нужна одна только форма? Девочки должны сами за ней ухаживать, а за мальчишками не набегаясь, воротники не начиштишь. По мере того как спивался Модест, мать Геннадия как будто угасала и погружалась во все более черную депрессию. Жить с агрессивным, озлобленным и жестоким Модестом было невыносимо, но даже помыслить о том, чтобы развестись, женщина не могла. В деревне нельзя прожить без мужчины, да еще к тому же с детьми. В тяжелые послевоенные годы мужчин подходящего возраста в деревне просто не было, так что шанс на то, чтобы найти нового мужа, стремительно близился к нулю. Каждый день жизни с Модестом все ближе двигал женщину к краю пропасти, но, кажется, женщина уже смирилась со своей участью и просто ждала, когда все наконец закончится. Смерть — это ведь не так плохо, как ни крути, но это все-таки способ выбраться из капкана. Рано или поздно муж изобьет ее до смерти. Какое-то время женщина пыталась избежать этих пьяных драк и насилия, всеми правдами и неправдами старалась не попадаться мужу на глаза, когда тот был пьян, но постепенно все

эти уловки сошли на нет. Модест почти всегда был пьян, а жена раздражала его одним только фактом своего существования, равно как и дочери, которые выглядели точь-в-точь как и жена, но на двадцать лет моложе.

Повзрослев, братья и сестры Геннадия старались как можно меньше бывать дома. Девочки поначалу проводили все свое свободное время у подруг или в школе, а лет с тринадцати начали гулять с сельскими мальчиками, чтобы только как можно быстрее убраться из отчего дома. С мальчиками все было проще. Во-первых, отец их не бил так сильно, но, что еще важнее, не унижал.

— Зачем ты убираешь со стола, что, мать не может этого сделать?! Ты что, тряпка? Подкаблучник? Бабы всю жизнь тобой помывать будут...

Модест заводился каждый раз, когда видел, что сыновья делают что-то по дому. Каждая следующая фраза распаляла его все сильнее, но остановиться обычно он уже не мог. Тот, на кого обрушился праведный гнев отца, старался попросту не обращать внимания на пьяные бредни и молча наспех мыл пару тарелок, а потом просто сбегал к чертовой матери из дома. Жизнь в деревне хороша тем, что всегда есть возможность скрыться или спрятаться у кого-то из друзей или соседей. Необязательно что-то говорить или объяснять, нет необходи-

мости говорить о том, у кого ты. Здесь все стараются приглядывать за всеми.

Жена Модеста старалась не отвечать на оскорбления и даже перестала уворачиваться от ударов. Ее скорбная восковая поза, в которой она обычно сидела в углу комнаты, всегда выводила из себя мужа. С каждым следующим ударом Модест как будто обретал все больше сил, чувствовал звериный азарт. Остановить его в такие моменты мог только кто-то со стороны. Так случалось много раз. На шум к ним прибегали соседи, готовые помочь усмирить алкоголика. При виде кого-то чужого Модест как будто сразу осекался, трезвел и превращался в радушного хозяина, которому не повезло с женой, оттого и дома бардак, и дети не причесаны. Вскоре так все и стали считать, а женщине пришлось смириться и с этим, так как ее с детства учили, что нельзя говорить ничего плохого про мужа и детей. Да и не хотелось ей. Наличие мужа — это то, чему всегда завидовали женщины села. Подогревало эту зависть и то, что со стороны Модест казался вполне положительным, пусть и выпивающим, мужчиной. Если он поколачивает жену, так, видимо, есть за что. Значит, не ценит она своего счастья. О том, что быть замужем за Модестом вовсе не такое уж счастье, говорить было бессмысленно. Женщину никто бы не понял.

Природа наделила детей только одним способом защититься от врага — криком. Наверное, именно поэтому детский плач является самым раздражающим, самым непереносимым звуком, который физически невозможно проигнорировать. Взрослый человек бежит туда, где плачет ребенок, повинаясь инстинкту. Вопрос лишь в том, что он делает, когда прибегает и не видит достаточной, с его точки зрения, опасности. Модест обычно свирепел.

Геннадий кричал, когда его мать избивали или когда мужчина в бешенстве швырял вещи в стену, но от этого крика все становилось только хуже. Ребенок пытался задобрить отца, но и это не давало результата, но обижало мать. Если ребенок понимает, что любой его выбор будет значить ошибку, он обычно отказывается делать какой бы то ни было выбор и застывает. Когда очень долго молчишь, крик парализует тебя еще до того, как он успеваешь вырваться из глотки. Ты начинаешь задыхаться то ли от страха, то ли от гнева, причина уже не имеет значения.

Спустя какое-то время мать Геннадия перестала защищать детей, избрав тактику неведения. Она просто старалась уйти в другую комнату, чтобы не видеть всего, что сейчас будет происходить. Кажется, она все время старалась просто исчезнуть, раствориться в воздухе,

так как ее существование как будто никому не приносило никакой пользы.

Когда женщина прекращает попытки защитить своих детей, обычно это обозначает тяжелую депрессию. Когда мужчина начинает проявлять сексуальный интерес к своим дочерям, это обычно свидетельствует о распаде личности, чаще всего из-за алкоголя. Это случается чаще, чем можно предположить, но люди обычно стараются не замечать этого, делать вид, что ничего

Если ребенок понимает, что любой его выбор будет значить ошибку, он обычно отказывается делать какой бы то ни было выбор и застывает. Когда очень долго молчишь, крик парализует тебя еще до того, как он успевает вырваться из глотки.

не происходит, даже если это происходит за тонкой перегородкой в деревенском доме.

Две белокурые девочки семьи Михасевичей были как две капли воды похожи на свою мать в юности, а если учесть, что они часто одевались в платья матери, то пьяный Модест начал видеть в них свою жену. Как можно было допустить, чтобы жена собиралась на танцы с каким-то парнем из соседней деревни? Чтобы жена красила губы в непотребно красный цвет?!

Глаза Модеста мгновенно наполнились кровью, и тот начинал захлебываться от оглушающих волн гнева. Дальше все разворачивалось

по двум сценариям. Либо девочке удавалось вырваться и убежать, а потом еще пару дней прятаться по соседям. Либо, что бывало чаще, отец затаскивал их в дом и принимался избивать и душить их. Вся остальная семья при этом могла быть на кухне и спокойно пить чай. Еще пару лет назад, когда девочки только-только начали тайком бегать на свидания, чай пила только мать семейства с маленьким Геннадием на руках. Сейчас состояние абсолютного эмоционального отупения и опустошающего безразличия охватило уже всю семью.

Шестилетний ребенок не понимал, как нужно себя вести. Как он ни старался, он не мог предугадать реакцию отца на свои поступки. Иногда он поступал одним образом, и отец это одобрял. В следующий раз ребенок поступал таким же образом, но Модест неожиданно впадал в приступ неконтролируемой ярости. Ребенок отчаянно хотел, чтобы его заметили, но, с другой стороны, он понимал, что оставаться невидимым безопасно. Мать редко тратила на него хотя бы несколько минут времени, а братья и сестры никогда не брали в игру, но и отец его бил реже всех. Однажды он застал сестер за странным развлечением. Девочки были на заднем дворе дома. Они тихо переговаривались о чем-то, а потом вдруг этот шепот прерывался оглушительным хохотом, после которого наступала полная тишина. Девочки заметили, что

младший брат за ними подглядывает, и неожиданно позвали его к себе. Оказалось, что им недавно рассказали о развлечении, которое обычно называют «собачьим кайфом». Обычное, но опасное школьное развлечение. Нужно было сесть на корточки, прислонившись к стене, а затем начать быстро дышать, чтобы наполнить мозг кислородом. Спустя минуту или две второй человек должен был подойти и пережать сонную артерию. В этот момент человек обычно теряет сознание, а в мозг выбрасывается смесь гормонов, отвечающих за страх и удовольствие — адреналин и дофамин. Весьма сомнительно, что от такого способа можно получить физиологическое удовольствие, но это развлечение пугало и захватывало дух. Тот, кто душил, с ужасом и любопытством смотрел, как дергается в бессознательном состоянии человек, осознавая, что это его рук дело. Секунду назад жизнь человека была в его руках. Второй же человек обычно приходил в себя лежа на земле и совершенно не помня, что делал несколько минут назад. Что может быть страшнее, чем потерять свою память? Обычно память возвращалась, а дыхание выравнивалось. Иногда развлечение заканчивалось трагедией, но это обстоятельство еще никогда не останавливало подростков от совершения глупостей.

Ребенок замороженно наблюдал за тем, как сестер веселит это развлечение.

— Давай тебе тоже сделаем? — предложила ему старшая сестра.

Ребенок был счастлив, что его впервые взяли в игру, поэтому готов был абсолютно на все. Он очень сосредоточенно выслушал инструкции, присел на корточки и стал прерывисто дышать как «запыхавшийся щенок». Затем он резко встал, и одна из девочек сжала руки на шее ребенка. В этот момент на улицу вышел Модест. Увидев, чем заняты дети, он начал орать. Геннадий упал без сознания и задергался в конвульсиях. Это продолжалось всего несколько секунд, но за такой короткий промежуток времени напугаться успели все.

Придя в себя, ребенок увидел, что отец дико орет на девочек за то, что те «пытались удавить» его. Отец еще долго бесновался, но из всего этого крика Геннадий понял только то, что сестры на самом деле не взяли его в игру, а просто поиздевались, попытались его убить. Он бы забыл о случившемся уже на следующий день, если бы не тот факт, что отныне сестры стали попросту игнорировать его существование. Каждый раз, когда его теперь не брали в игру, он вспоминал то, как над ним поиздевались.

Я ненавижу женщин. Так случилось, что во всех моих бедах в жизни всегда были виноваты они. Подлость их и глупость всегда становились причиной моих бед. Они всегда смеялись надо мной в

ШКОЛЕ, НЕ ЗАМЕЧАЛИ И ОБМАНЫВАЛИ. ОНИ ВСЕ ОБМАНЫВАЮТ. К МУЖЧИНАМ НИКАКОЙ НЕПРИЯЗНИ, НО ЖЕНЩИНЫ ВЫЗЫВАЮТ У МЕНЯ ЯРОСТЬ, НЕНАВИСТЬ, КОТОРАЯ НЕ ПРОХОДИТ.

Из показаний Г. МИХАСЕВИЧА

Две дочери Михасевичей уехали из дома сразу же, как только получили аттестат об окончании средней школы. Они, не стовариваясь, предпочли навсегда забыть о детстве, семье и отчем доме. Только после переезда к ним постепенно стало приходить понимание того, в каком аду они жили последние несколько лет. Дочери Модеста считали, что все так живут и в их семье нет ничего исключительного. У кого-то все получше, а у кого-то похуже. Родители одних одноклассников казались им совершенно потрясающими, а родители других недолюбливали неблагополучных девочек, но ведь никто никогда не рассказывал, как эти родители ведут себя без посторонних. Модеста все считали добропорядочным мужчиной, выпивающим, но работающим. Никто в деревне никогда про него ничего плохого не говорил, чаще сплетничали о его жене. Все дети Михасевичей были твердо уверены, что все люди при посторонних превращаются в кого-то другого. Ребенок не способен осознать степень страданий по той простой причине, что ему не с чем сравнивать. Жизнь постепенно ста-

новится все более невыносимой, но человек не способен этого заметить. Точно так же, как лягушка не замечает того, как нагревается температура воды, и постепенно умирает, человек всегда принимает заданные правила игры и привыкает к ним. Так обычно и бывает. Психическая болезнь от нормы отличается лишь интенсивностью и длительностью переживаний. Если обычный человек при посторонних может выйти из себя, повысить голос, но ударить он не сможет, а придя домой он попросту забудет о недавней ссоре, то человек с психопатическим складом характера сможет сохранить вид вселенского спокойствия на людях, а придя домой вспомнить недавнюю ссору и моментально превратиться в тирана и деспота.

Не раз бывало, что девочки видели отца в окружении друзей, когда возвращались из школы. Мужчина мог окликнуть их, поинтересоваться, как идут дела в школе, дать парочку ценных указаний и потерять к ним всякий интерес. Девочки знали, что нельзя верить этому кажущемуся добродушию. Придя домой, отец обязательно начнет орать на них, заставляя перемывать полы и рассказывать о том, что они продажные и уродливые существа, а таковыми он считал всех женщин.

30 После переезда выяснилось, что некоторые люди живут совершенно по-другому. Они так же просыпаются в пять утра, идут на работу, а

потом выпивают с друзьями на природе или у кого-то в доме. Все точно так же, как и было, но совсем по-другому. Чем больше девушки погружались в этот новый, совсем другой мир, тем с большим отвращением они вспоминали о детстве. Свекровь одной из них часто спрашивала, почему девушка совсем не ездит к родителям.

— Там и без меня народу полно, — легко отвечала она и старалась сменить тему разговора.

Даже если бы она захотела, она бы просто не смогла рассказать о детстве, потому что не сумела бы отделить черное от белого, хорошее от плохого, а нормальное от ужасов, которые не принято с кем-то обсуждать. Девушки пока не понимали, что невозможно найти что-то другое, если не знаешь, как это выглядит. Человек обычно попросту не замечает изменений, происходящих вокруг него. Если вы не будете знать, что какой-то магазин по дороге домой закрыли, вы никогда не заметите заколоченную дверь. Если вы не знаете, как выглядит спокойный, добродушный человек, вы никогда не сможете определить такого в толпе. Даже если вам предложат поговорить с каждым и определить самого спокойного человека, если вы не знали таких раньше, вы всегда выберете фальшивое, напускное спокойствие, под которым скрываются еле сдерживаемые гнев и злоба.

Постепенно новая, совсем другая жизнь, которую организовали себе девушки, стала

приобретать все больше сходства с жизнью в родном доме. Температура воды снова стала расти, только этого пока еще никто не замечал.

С отъездом девушек в доме Михасевичей стало намного тише. Старшие сыновья Модеста окончили восемь классов и стали работать в колхозе. Теперь их редко можно было видеть дома. Гена Михасевич благополучно окончил начальную школу и перешел в пятый класс. Мальчик рос тихим и молчаливым ребенком, который предпочитал большую часть времени проводить дома. Казалось, что его ничуть не задевают насмешки одноклассников или придирки учителей. За это спокойствие и молчаливость его стали считать прилежным учеником, приняли в пионеры, пусть и не в числе первых, и стали держать на хорошем счету. Пусть он и не хватал звезд с неба, но и совсем уж отсталым учеником он все-таки не был, а зачем будущему механику или слесарю в колхозе пятерки по литературе или истории? Тихий, прилежный, исполнительный — чего еще хотеть от ребенка в его возрасте?

— Мать небось не нарадуется, — шептали соседки, когда видели мальчика за прополкой сорняков в огороде. В огороде чаще всего можно было видеть младшего ребенка семьи, а мать Гены в последнее время видели очень редко. Она то и дело болела, а когда выходила на работу, еле могла поднять что-то тяжелее

тряпки. Она теперь все реже с кем-то разговаривала, а друзей у нее практически никогда и не было. Впрочем, слухи о бардаке дома больше не ходили. Окна, которые все в деревне считают зеркалом дома, всегда блестели своей чистотой. На подоконнике всегда стояли какие-то статуэтки или поделки детей, а занавески всегда были выстираны и отглажены. В деревне степень благополучия дома вычисляют именно по этим признакам.

С отъездом дочерей Модест стал как будто меньше пить. На короткое время в их доме воцарилось спокойствие, лишь иногда прерываемое ссорами Модеста с женой. Женщина, кажется, смирилась со своей незавидной судьбой. Она почти всегда скорбно молчала всякий раз, когда Модест впадал в очередной приступ ярости, и только иногда начинала тихо скулить и вытирать непроизвольно скатывающиеся слезы.

— Не нравится со мной жить? Не нравится? Езжай к своим шалавам. Посмотришь, нужна ты там им или нет. Или мужика другого найди, получше, если кто на тебя еще посмотрит. Все вы... гниль...

Такие речи Модест говорил в благодушном настроении. Вид скулящей жены вызывал у него чувство брезгливости, смешанное с каким-то смутным удовлетворением. Раз скулит, значит, знает свое место.

2

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК

1958–1967 гг.

Деревня Ист. Витебская область

Ни один психиатр в мире не сможет дать уверенного ответа на вопрос о том, можно ли стать психопатом или нужно родиться с определенными особенностями личности. Обычно предпочитают говорить о том, что здесь необходимо «сочетание генетических особенностей и фактора среды». Дело в том, что никаких более или менее вразумительных экспериментов придумать просто невозможно, а следовательно, нельзя и проверить теорию. Тем не менее теория о том, что расстройство личности все же может развиваться при стечении ряда обстоятельств, на сегодняшний день считается одной из самых правдоподобных и обоснованных с научной точки зрения. Согласно этой теории, если ребенку с выраженной акцентуацией характера в ключевой для него возрастной кризис пришлось пережить сильную душевную травму, то, скорее всего, акцентуа-

ция превратится в психопатию. Причем здесь важен фактор времени. Короткое переживание никогда не дает таких серьезных последствий, даже если это смерть родных, война или насилие. Человек должен длительное время пребывать в невыносимых условиях. Достаточно длительное для того, чтобы психика успела измениться.

Геннадий остался один на один с отцом и безмолвной и безразличной ко всему матерью. Изо дня в день отец садился на крыльцо возле дома с бутылкой водки

или самогона и начинал рассказывать о своей ненависти к женщинам. Поначалу это звучало как благодушное философствование, но потом вытекало в скандал и избивание либо жены, либо сына. Под постоянным воздействием агрес-

сора у жертвы начинает разрушаться личность. Она буквально тает, как ледяная скульптура жарким летом. Чтобы выжить, психика учит человека отстраняться от ситуации, наблюдать за всем происходящим со стороны. Чтобы оградить себя от невыносимых переживаний, жертва начинает искать оправдания своему мучителю, а потом постепенно превращается

Короткое переживание никогда не дает таких серьезных последствий, даже если это смерть родных, война или насилие. Человек должен длительное время пребывать в невыносимых условиях. Достаточно длительное для того, чтобы психика успела измениться.

в него, перенимает его привычки, присваивает его слова и поступки. С течением времени Геннадий постепенно начал превращаться в своего отца, в ту его версию, которую он знал: в пожилого, агрессивного психопата-алкоголика. Вот только от запаха алкоголя Михасевича с детства выворачивало.

— А Михасевича приглашать будем? — шепотом поинтересовалась одноклассница Геннадия у кого-то из приятелей. Речь шла о праздновании выпускного, которое начали обсуждать чуть ли не с начала учебного года.

— Какого Михасевича? — не понял собеседник девушку.

— Сына алкаша из дома на окраине, я другого Михасевича не знаю, — подал голос кто-то третий.

— Зачем ты так? Сын за отца не в ответе, — обиделась девушка и напомнила приятелю знаменитую цитату Сталина. На дворе был конец 1960-х, и даже в глухой деревне Витебской области эта цитата вызвала скептические смешки. Все всегда понимали, что этот закон работает только на словах.

Геннадий Михасевич слышал этот разговор. Для подростка не было новостью, что одноклассники не очень-то горят желанием приглашать его на выпускной. Не очень-то и хотелось. Удивление вызвала одноклассница Лена, которая вдруг вызвалась его защищать.

От кого-кого, но от девочки он этого не ожидал. Михасевич привык считать женщин существами более низкими и подлыми, чем мужчины. До сих пор это убеждение казалось чем-то естественным и само собой разумеющимся. Девочки с детства презрительно к нему относились. Сестры сначала «изводили отца своими танцами, а потом просто сбежали». По крайней мере, именно так объяснял их поведение Модест, а Геннадий не мог в силу возраста оценить ситуацию с двух сторон. Модест же во время своих попок любил пофилософствовать с сыном. Эти размышления обычно сводились к рассказам отца о том, как они начали жить вместе с его матерью. У нее тогда просто не было выбора. Если бы она не согласилась на предложение Модеста, «так бы в старых девах и ходила». Однако через пару лет их жизни у нее появился любовник.

— Подлая женская натура на большие чувства не способна, сынок. Они всегда ищут, где вкуснее кормят, где больше денег и дом получше... — часто повторял отец. По его словам, тот парень сбежал, поэтому мать осталась с ним, а вскоре родила среднюю дочку. Эти рассказы мать никогда не прерывала и не опровергала. Возможно, из страха перед мужем, а может, потому, что это было правдой. Так или иначе, эти истории еще сильнее отвратили подростка от матери.

«Женщина — существо низкое и подлое, всегда ищет где лучше жить, где больше кормят». Это казалось чем-то само собой разумеющимся, с чем не было смысла спорить. Да и все обиды на учителей и одноклассниц так было куда проще пережить. Кто обижается на таких? Зачем только эта девочка Лена решила его вдруг защищать, какая ей из этого выгода?

Учебный год подошел к концу. Церемония вручения аттестатов по традиции проходила в старом актовом зале сельской школы. Весь зал был уставлен простыми деревянными стульями из классов. На первых рядах сидели сейчас выпускники, включая Геннадия Михасевича, следом шли ряды для учителей и родственников выпускников, а на задних рядах уместились подростки на год младше, которые никак не хотели умолкать и всем сейчас мешали. Кто-то из подростков на задних рядах разливал всем алкоголь в украденные из родительского серванта рюмки, кто-то кричал с места какие-то ободряющие слова. Чуть тише стало только благодаря директорисе в старомодном платье, которая вышла на сцену и встала на фоне громоздких бархатных штор и портрета вождя. Женщина суровым взглядом обвела всех собравшихся, стараясь своей мимикой призвать всех к порядку. Получалось у нее не очень, но немного тише действительно стало.

щина начала приглашать учеников на сцену, чтобы вручить им аттестат.

Геннадий Михасевич получил свой документ о среднем образовании в числе всех остальных. В документе значились средние оценки, ничем не выделявшие его среди других учеников. В этой сельской школе, как и в большинстве других, было принято, что девочки должны учиться на четверки и пятерки, а мальчикам можно поставить и несколько троек по не самым важным предметам. Отчислять за неуспеваемость в очередной раз запретили «рекомендацией» из РОНО¹, а выдавать медали обычно было некому. Сколько бы конфликтов с учителями ни было, оценки в аттестате у всех были примерно одинаковые. Как бы ни презирали ученики «сына алкаша», его все же позвали отмечать окончание школы вместе со всеми. На том настояла Лена, которой свойственно было во всех конфликтах защищать слабую сторону. Одноклассники знали за ней это качество, но для Михасевича ее поступок действительно много значил.

— Все уже решили, кто чем будет заниматься? — спросил кто-то из ребят на выпускном. Вечер был уже на исходе. Все они уже изрядно выпили, и настроение сейчас у всех было таким, каким оно бывает только на

¹ РОНО — районный отдел народного образования. — *Прим. ред.*

выпускном, когда веришь, что с завтрашнего дня у тебя начнется большая, взрослая и наполненная приключениями жизнь. Они сидели на заднем дворе школы, как то делали сотни раз до этого, но теперь никто из учителей не мог их разогнать, потому как никакой власти над ними они уже не имели. Несколько человек ответили, что собираются уехать учиться в техникум, парочка сообщила, что собираются поступить в старшую школу. Кто-то из девочек сказал, что уже устроился на завод, расположенный в соседней деревне.

— Михасевич, а ты что не пьешь? Боишься пойти по стопам отца? — спросил кто-то, указывая на пустой стакан подростка. Все тут же рассмеялись, а Геннадий Михасевич автоматически отставил стакан в сторону.

— Не обращай внимания, — прошептала Лена, которая считала себя ответственной за Михасевича сегодняшним вечером. Геннадий благодарно улыбнулся и смело посмотрел прямо в лицо девушке. Лена смутилась, и ее щеки тут же покраснели. Ей было неловко, что ее желание спасти всех слабых и угнетенных, кажется, истолковали иначе.

Михасевич благодарно улыбнулся, а уже под утро пошел провожать Лену до дома, так как ей нужно было возвращаться через лес в соседнюю деревню. Лес в предрассветной весенней дымке пугал и вдохновлял одновременно. Они

правда хорошо провели время, пока шли к дому девушки. Лена с удивлением для себя поняла, что молчаливый и застенчивый «сын алкаша» действительно нормальный парень, ничем не хуже и не глупее других. Она, как и все, с настороженностью относилась к нему. В конце концов не зря все школьные годы его сторонились, не зря все учителя говорили, что из него

Она, как и все, с настороженностью относилась к нему. В конце концов, не зря все школьные годы его сторонились, не зря все учителя говорили, что из него никогда ничего путного не выйдет.

никогда ничего путного не выйдет. С другой стороны, мало ли кто и что говорит, мало ли как человеку не повезло с родственниками, он же не виноват во всем этом. Так или иначе, девушка решила, что дружить с ним точно можно и нужно. Возможно, у него появятся еще друзья, компания, девушка. По крайней мере, он действительно самый приятный и умный парень из всех, с кем на тот момент ей доводилось общаться, а тот факт, что он всегда с большим трудом подбирал слова для ответа, даже начинал казаться милым. Казалось, что он как будто боится показаться глупым и смешным, стесняется ее, но, в отличие от других деревенских парней, он не стремился показаться опытным и самоуверенным мужиком, который с пренебрежением относится ко

всему, что говорит или делает девушка. Вчерашний выпускник Михасевич, казалось, с искренним интересом и даже каким-то восхищением относится ко всему, что говорит или делает Лена. Девушке льстило такое отношение. Возможно, она еще не успела его полюбить, но уж точно Михасевич начинал ей нравиться.

Инстинктивно Геннадий понимал, что не стоит рассказывать отцу о Лене. Само упоминание о ней в стенах этого дома казалось ему чем-то неприятным, как будто оскорбляющим девушку. Однако вскоре Модест все же заметил, что сын как-то подозрительно много времени проводит вне дома, и это начало раздражать его. Сын сейчас был последним человеком, на которого тот имел влияние, и Модесту было жизненно важно сохранить этот контроль. Он не хотел, чтобы сын уезжал учиться в ПТУ или техникум, уходил в армию или женился. Больше всего ему хотелось, чтобы Геннадий продолжал жить с ним в доме, ухаживал за ним и иногда выпивал за компанию. Последнее сын не любил делать категорически. Если ему не хотелось ругаться с отцом, Геннадий мог посидеть над полной рюмкой за столом, но никогда ее не выпивал. Ему было неприятно состояние опьянения. Тут же начинало казаться, что он сейчас потеряет над собой контроль, будет выглядеть глупо и смешно, как обычно и выглядят пьяные люди.

— Жениться собрался? Они все одинаковые, все ищут где получше кормят. Надо ж быть таким тупым, хотя б нашел себе кого после армии. Кто тебя три года ждать будет? — с каким-то легким злорадством стал говорить отец, когда Геннадию пришла повестка. Это произошло как раз после того, как Михасевич решил сделать предложение Лене.

Я любил только Лену. Со всеми остальными женщинами в моей жизни у меня не было никаких близких отношений. Когда мы с ней расстались, во мне стала расти злоба. Даже с женой мы редко разговаривали, я просто помогал ей по хозяйству, да и все.

ГЕННАДИЙ МИХАСЕВИЧ

Девушка жила в соседней деревне, работала на заводе и собиралась пойти учиться в техникум. Михасевич часто провожал девушку с работы, чтобы той было не страшно возвращаться одной через лес, и заворуженно слушал о ее планах и мечтах. Их отношения были больше дружескими, чем романтическими, но в деревне все постепенно стали считать их парой. Лена не замечала этих слухов или не хотела замечать. Ей льстило отношение Михасевича, а заводить другие романы не хотелось. Быть одинокой девушкой в деревне так же предосудительно, как и бегать на свидания с раз-

ными людьми. В любом случае будут говорить что-то неприятное. Лучше всего, когда тебя считают чьей-то девушкой. Никто не лезет с ненужными предложениями, никто не сплетничает о тебе по вечерам.

— Будешь меня ждать? — спросил Михасевич, показывая девушке повестку. Лена немного оторопела от такого вопроса. Она никогда не считала молодого человека кандидатом в мужья. Между ними даже сексуальных отношений никогда не было.

— Конечно, буду, — с легкой иронией в голосе сказала девушка, разглядывая повестку. Михасевич не услышал в ее голосе оттенка иронии.

БЕЗУПРЕЧНАЯ РЕПУТАЦИЯ

1919–1967 гг.

Деревня Козуличи. Могилевская область

Уже к 1960-м годам Михаил Кузьмич Жавнерович превратился в гуру сыска, имевшего огромное количество наград, непогрешимого и образцового прокурора, пусть и с немного закостеневшими взглядами, но со стопроцентной раскрываемостью и безупречной репутацией ветерана Великой Отечественной, участника партизанского движения и гения допроса. Впрочем, так было не всегда.

«К РАСКРЫТИЮ ПОЧТИ КАЖДОГО ЗАГАДОЧНОГО УБИЙСТВА В БЕЛУРУССИИ ПРИЧАСТЕН СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ М. К. ЖАВНЕРОВИЧ... ОДНИ УСМАТРИВАЮТ В ЭТОМ ВЕЗЕНИИ, ДРУГИЕ — НЕКУЮ ОСОБУЮ ИНТУИЦИЮ, ПРИСУЩУЮ МИХАИЛУ КУЗЬМИЧУ. НО, ДУМАЕТСЯ, ДЕЛО ПРЕЖДЕ ВСЕГО В СПОСОБНОСТИ ЖАВНЕРОВИЧА РАЗГЛЯДЕТЬ ТО, ЧТО ДО НЕГО ОСТАЛОСЬ НЕЗАМЕЧЕННЫМ, КОРОЧЕ ГОВОРЯ, В ВЫСОКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ МАСТЕРСТВЕ...»¹

¹ Аринин В. И., Рекунков А. М. Советская прокуратура. — М.: Юридическая литература, 1982 г.

Михаил Кузьмич Жавнерович лет тридцать проработал в Прокуратуре БССР. Примерно двадцать из них он считался главным, гениальным и непогрешимым следователем со стопроцентной раскрываемостью дел. Так долго, что даже он забыл уже о том, что когда-то он не был лучшим следователем, а был насмерть перепуганным парнем, который отчаянно не хотел на передовую. Тогда таких было много, это потом уже все они превратились в бесстрашных бойцов, бегущих наперекор трасирующим пулям фашистов. Это потом они так часто слушали рассказы товарищей, так часто представляли себя на их месте, что сами стали верить, что принимали участие в событиях, о которых только слышали. Спустя еще несколько лет эти же люди стали рассказывать когда-то слышанные истории от первого лица, приправляя их яркими деталями и образами. Так происходит всегда с любой профессией. Кем бы человек ни работал, профессиональных историй обычно набирается не так уж много, а рассказать что-то всегда хочется. Эти истории, услышанные в курилках и на корпоративных мероприятиях, перемешиваются и разделяются поровну между всеми представителями профессии, не важно — военный ты, врач или учитель.

Жавнерович предпочитал не вспоминать и не рассказывать о своем детстве и времени

войны, стараясь ограничиться скухими анкетными данными, которые требовалось указывать во всех документах, но чем дольше он служил в органах, тем чаще от него требовали рассказов о войне и тем реже встречались ему те, кто помнил насмерть перепуганного парня из Первой минской бригады партизан.

Он родился в 1919 году деревне Козуличи Бобруйского уезда в обычной, довольно обеспеченной по деревенским меркам семье. Своим детством он застал краткий период исторического затишья на фоне НЭПа, а вот подростковый возраст пришелся на страшные 1930-е годы. По всей стране стали организовывать колхозы и совхозы. Выращивать что-то на своем огороде теперь было запрещено, а продукты можно было получить только за карточки. Эти мятые талоны ценились намного выше любых денег. За деньги нельзя было получить продукты, а вот за эти заветные карточки, казалось, можно купить счастье и достаток. Только выдавали их в зависимости от того, как к тебе относится председатель колхоза, а настроение у него слишком быстро менялось.

Голод присутствовал в их жизни столько, сколько он себя помнил. Летом было чуть попроще, а зимой голод не отступал от их семьи ни на шаг. Постепенно жизнь становилась все страшнее, но ребенок не замечал того, как вода в его котле нагревается до значений

смертельной опасности. Он помнил, как надувались животы от голода у соседских детей, помнил, как то и дело до него доносились слухи о том, что кто-то умер от истощения. Все это было в порядке вещей. Так жили все. Иногда становилось проще, иногда — сложнее. Однако совсем далеко голод не отступал никогда.

Все стало меняться к худшему, когда ему было тринадцать лет. На дворе шел 1932 год, и до деревни Козуличи докатилась наконец волна всеобщей коллективизации и раскулачивания. В силу как раз вступил так называемый «закон о трех колосках». Колоски, которые случайно завалились в карман при сборе урожая, могли быть истолкованы как попытка украсть собственность колхоза. Такое преступление каралось немедленной отправкой в лагерь или расстрелом, причем амнистия на любую статью о хищениях государственной собственности не распространялась.

— Родине нужно больше хлеба, — пояснила мать, когда они наблюдали за тем, как из ближайшего дома их соседа выводила команда молодых мужчин в форме и с совершенно одинаковыми лицами. Все знали, что его ведут на допрос, с которого редко кто возвращался живым, и уж точно никто не жил потом долго.

Отряды по раскулачиванию вызывали благоговейный трепет у всех мальчишек. Их все боялись, им все было дозволено, они могли